*И. Н. Олегина**

П. Н. МИЛЮКОВ: МОНАРХИЯ ИЛИ РЕСПУБЛИКА ДЛЯ РОССИИ? (ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ)

Известный историк и видный политический деятель дореволюционной России (а затем и русского зарубежья) Павел Николаевич Милюков как лидер кадетской партии сыграл значительную роль в становлении русского парламентаризма, в разработке его конституционных основ.

При рассмотрении темы о взглядах Милюкова на институты монархии и республики будут сопоставлены период до 1917 г., 1917 год и период эмиграции.

В 1900-е – 2000-е годы изучение политической истории предреволюционной России продвинулось далеко вперед.[1] Историки и правоведы имеют возможность использовать вышедшие документальные публикации по истории политических партий, и в частности партии конституционных демократов (кадетов).[2] В 1999 г. была проведена международная конференция в связи с 140-летием со дня рождения П. Н. Милюкова.[3] Издана «История второй русской революции» П. Н. Милюкова (впервые после эмигрантских изданий).[4]

Первая русская революция 1905–1907 гг. закончилась поражением, однако результатом натиска на царизм было создание – по указу царя 17 октября 1905 г. и ряду законодательных актов – народного представительства

* Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

[1] Власть и реформы: От самодержавия к советской России / Отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996; *Демин В. А.* Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; *Гоголевский А. В.* 1) Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996; 2) Русский либерализм в последнее десятилетие империи. Очерки истории 1906–1912 гг. СПб., 2002; Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. док. / Сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2001; Русский конституционализм в период думской монархии: Сб. док. / Сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2003; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в исторической перспективе. М., 1998.

[2] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905–1934: В 6 т. М., 1994–1999; Съезды и конференции Конституционно-демократической партии, 1905–1920: В 3 т. М., 1997–2000.

[3] См.: П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Материалы междунар. науч. конф. М., 2000.

[4] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. М., 2001.

в форме Государственной Думы, наделенной законодательными правами. Становление русского конституционализма проходило очень трудно: оно шло в условиях существования монархии, которая по мере спада революции стремилась вернуть все на круги своя, сделать «как было». Надо учесть также, что сама правовая модернизация – переход от традиционного общества к современному – представляет довольно длительный и сложный процесс.

По мере углубленного изучения истории политических партий России изменяются оценки их роли в революционном процессе. В частности это касается кадетской партии, лидером которой был П. Н. Милюков. Она была создана на 1 съезде (12–18 октября 1905 г.), основой ее стало левое крыло «Союза освобождения», правое – стало основой партии «Союз 17 октября». Социальной базой конституционных демократов была преимущественно интеллигенция. Они ставили своей целью изменение политического режима страны, переход от авторитарного строя к парламентско-конституционному.

В современной историографии переоценивается роль кадетов, по сравнению с тем, что имело место в советский период: они стали рассматриваться (в годы первой русской революции во всяком случае) не как партия, противодействующая усилиям революционеров, но как составная часть освободительного движения – против самодержавия, за конституцию и права человека. «Значительные пласты источников, введенные в последнее десятилетие в научный оборот, – пишет В. В. Шелохаев, – позволяют иначе, чем это имело место в историографии, показать роль кадетов в революциях 1905–1907 и 1917 гг.». В 1905 г. – до ноябрьско-декабрьских событий левое крыло либералов («освобожденцы») «вело борьбу совместно с революционно-демократическими силами против авторитарного режима», вынудив последний издать Манифест 17 октября.[5]

В дальнейшем кадетская партия боролась за то, чтобы эта вынужденная уступка царизма стала необратимой. Выдвигая на первый план борьбу за политические свободы, она перенесла акцент в освободительном движении с социальной революции, что было лозунгом предшествующих поколений революционеров, на конституционную деятельность, строительство правового государства. Получили распространение термины «либеральная демократия», «либеральная оппозиция» при характеристике кадетов периода 1905–1917 гг.

[5] Политические партии в российских революциях в начале XX века / Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005. С. 416.

Как оценивать тот строй, который возник в России после манифеста 17 октября? Милюков: «Первый камень русской конституции был заложен Манифестом 17 октября».[6] На II съезде кадетской партии (4–11 января 1906 г.) в программу был добавлен пункт: «Россия должна стать конституционной и парламентской монархией». Он был изменен только после Февральской революции 1917 г.

I Государственная Дума просуществовала 72 дня. 7 июля 1906 г. Николай II издал указ о роспуске Думы. Для работы во II Думе Милюков разработал новую тактику, которая получила название «правильной осады правительства и бережения Государственной Думы». (одобрена на IV съезде конституционных демократов в сентябре 1906 г.).[7] II Дума была распущена 3 июня 1907 г. В том же Манифесте, в котором царь объявлял о роспуске II Думы было обнародовано и изменение избирательного закона (издавать новый избирательный закон монарх не имел права согласно манифесту от 17 октября 1905 г., поэтому это событие получило название третьеиюньского переворота). Выборы, проведенные в III Думу по новому избирательному закону, совершенно изменили ее партийный состав. Фракция кадетов (52 человека) не имела никакой возможности бороться за собственные законопроекты. П. Н. Милюков, тем не менее, продолжал и в этих условиях вести линию на развитие русского конституционализма парламентским путем, хотя она оспаривалась в партии (возражали Н. Н. Кутлер, Ф. И. Родичев).[8]

IV Государственная Дума также была избрана (1912 г.) по третьеиюньскому избирательному закону. На годы деятельности этой Думы приходится экономический подъем (в 1913 г. – наилучшие показатели для царской России), подъем рабочего движения, вступление России в Первую мировую войну…

Однако кадетам и их лидеру Милюкову становилось ясно, что изменение режима через законодательную деятельность Думы практически невозможно.

Вступление России в Первую мировую войну было поддержано лидером фракции кадетов. Милюков – за войну до победного конца. Однако в 1915, 1916 гг. конфронтация с правительством возобновилась.

Возможность второй русской революции, которую предвидели мно-

[6] *Милюков П. Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника 1905 – 1906. СПб., 1907. С. 150.

[7] Русский конституционализм от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. С. 27.

[8] Русский конституционализм в период думской монархии. С. 19.

гие политические деятели, превратилась в реальность. 27 февраля 1917 г. в стране началась революция, которая за несколько дней привела к крушению романовской монархии.

Это были незабываемые дни для тех, кто многие годы боролся против самодержавия, но и невероятно напряженные. Встал вопрос об организации власти, об отношении к монархии. В стране образовалось два центра власти: Временный Комитет Государственной Думы и Совет рабочих и солдатских депутатов.

Милюков держался за монархический принцип до последнего. 2 марта он выступал на митинге в Таврическом дворце по вопросу об образовании Временного правительства, называл имена назначаемых министров. Прозвучали крики из зала: «А династия?» Милюков: «Вы спрашиваете о династии. Я знаю наперед, что мой ответ не всех вас удовлетворит. Но я его скажу. Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен. (*Аплодисменты*). Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. (*Продолжительные крики, негодующие возгласы: "Да здравствует республика!", "Долой династию!". Жидкие аплодисменты, заглушенные новым возгласом негодования.*) Наследником будет Алексей. (*Крики: "Это старая династия!*")».

Милюков продолжает: «Да, господа, это старая династия, которой, может быть, не любите Вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто сейчас любим. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе как парламентскую конституционную монархию. Может быть, другие представляют себе иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только разрушенный режим. Этого мы сделать не имеем права ни перед Вами, ни перед собой. Однако это не значит, что мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе Вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и возродится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного собрания (*шумные аплодисменты*), собранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранное народное представительство решит, кто вернее выразит общее мнение России – мы или наши противники».[9]

[9] Февральская революция 1917 года: Сб. док. / Сост. О. А. Шишкова. М., 1996. С. 158. Используемый документ ранее был опубликован: Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. № 313.

Мы не будем здесь подробно излагать все перипетии процесса переговоров с императором, которые вели представители Государственной Думы о его отречении и условиях этого отречения.

Утром 2 марта, когда уже было известно о его отречении в пользу брата Михаила Александровича, состоялось обсуждение этого вопроса (присутствовали Родзянко – председатель Государственной Думы, члены Временного комитета Государственной Думы и Временного правительства).

«После обмена мнениями, длившегося около полутора часов, пришли к заключению, вопреки мнению министра иностранных дел Милюкова, о необходимости убедить Великого князя Михаила Александровича не принимать на себя верховной власти, ибо такого разрешения вопроса требовало соотношение политических сил», – говорится в документе «"Протокол событий" Февральской революции».[10]

После этого обсуждения около 10 часов утра 2 марта состоялась встреча Временного правительства с Великим князем Михаилом Александровичем (продолжалась до 2-х часов дня). К тому времени стало известно, как железнодорожные рабочие встретили сообщение Гучкова, вернувшегося из Пскова с актом отречения Николая II в пользу Михаила, (пригрозили расстрелять Гучкова).[11] «Несмотря на возражения со стороны министров иностранных дел Милюкова и военного и морского Гучкова, Великий князь принял решение свободно и бесповоротно отказаться в настоящий момент от принятия на себя верховной власти».[12] Михаил Александрович принял «твердое решение воспринять Верховную власть», если такова будет воля народа, выраженная его представителями через Учредительное собрание.[13]

Таким образом, в февральско-мартовские дни 1917 г. Милюков до последнего отстаивал романовскую монархию, несмотря на все выше вздымавшийся вал революции.

Милюков был выдающимся политиком. По словам Керенского, он был одной «из самых ярких, самых блистательных фигур интеллектуальной России», искусным государственным деятелем.[14] Однако его любовь к истории сказывалась на его оценках событий настоящего. Керенский отмеча-

[10] Там же. С. 143. («Протокол» впервые был опубликован в сборнике документов 1996 г.)

[11] *Керенский А. Ф.* Трагедия династии Романовых / Пер. с фр. Е. Нетесовой. М., 2005. С. 97.

[12] Февральская революция 1917 года. С. 144.

[13] Там же.

[14] *Керенский А. Ф.* Русская революция 1917 / Пер. с фр. Е. Нетесовой. М., 2005. С. 123.

ет, что «он предпочитал анализировать политические события постфактум, рассматривая их более или менее издали, гораздо лучше видя жизнь в книге или в историческом документе, чем в реальности»; разработав программу или тактические и стратегические планы, он ревностно начинал проводить их в жизнь, «твердо веря в мудрость своих суждений, но не учитывая событий сегодняшнего и, что во многих случаях еще важнее, завтрашнего дня».[15]

В марте 1917 г. Милюков был одним из последних, кто расстался с монархическим принципом.

А. Ф. Керенский пишет о важности политической интуиции в работе государственного деятеля, особенно тогда, «когда минуты равняются нескольким месяцам или даже годам». В таком случае несоответствие политической программы требованиям момента «становится поистине катастрофическим».[16] Так он говорит, что программа внешней политики, которую Милюков имел на момент вступления в должность министра иностранных дел, была уместна в 1916 г. «Однако в марте 1917-го она уже ничего не стоила, превратившись в простой исторический документ, который надо было отправить в архив», – пишет он.[17] «Бедой обернулся отказ Милюкова согласовать свои декларации (в частности его апрельское заявление по вопросам внешней политики – *И. О.*) с новой психологией народа».[18]

В 1917 г. прошло четыре съезда партии народной свободы. 7-й съезд (25–28 марта 1917 г.) постановил, что «Россия должна стать демократической республикой». На 8 съезде (9–12 мая 1917 г.) партия практически вернулась к той аграрной программе, которую она отстаивала в 1905 г. Это было важно в условиях развертывавшейся борьбы крестьянства за землю, но более радикальные требования в земельном вопросе были в программах большевиков и эсеров.

Позиция, занятая кадетами в связи с корниловским выступлением в августе 1917 г., свидетельствует о том, что Милюков совершенно отчетливо представлял, что противостояние в августе действительно было судьбоносным: один из разделов в его книге «История второй русской революции» называется «Корнилов или Ленин?»

После поражения большевиков в июльские дни идет нарастание опасности справа, причем намечается решение проблем с помощью воен-

[15] Там же. С. 124.
[16] Там же.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 125.

ной диктатуры. На Государственном совещании в Москве (12–15 августа 1917 г.) происходило зондирование почвы генералом Корниловым на предмет поддержки выступления военных «во имя спасения России».

20 августа ЦК партии кадетов обсуждал политическое положение после Государственного совещания. В выступлениях А. В. Карташева, А. И. Шингарева, А. В. Тырковой, самого П. Н. Милюкова речь шла о неизбежности «хирургической операции».[19]

В монографии В. Д. Поликарпова приводятся интересные ответы Милюкова на вопросы одного из корреспондентов в августе 1917 г. (по архивным материалам): «Того, что случилось, мы, конечно, не ожидали и не хотели. Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же конституционной монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть… Полной разрухи мы не хотели…» И далее: «Что же делать теперь, спросите Вы… Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних месяцев показали, что народ не способен был воспринять свободу…»[20]

Приведенные суждения показывают, насколько Милюков был способен менять свои взгляды под влиянием обстоятельств, причем далеко не всегда принимал лучшее решение (это касается поддержки Корнилова).

После провала выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. руководители кадетской партии продолжали считать, что только твердая диктатура может вывести страну из кризиса. Милюков был избран в Учредительное собрание от Петрограда, но после Декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» от 28 ноября 1917 г., поставившего вне закона партию кадетов, он вынужден был покинуть столицу. Он едет в Москву, потом в Новочеркасск, где присоединяется к Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева (Декларация была составлена Милюковым).

В 1918 г. Милюков делает неудачный ход, вызвавший неодобрение большинства партии кадетов: в Киеве он пытался убедить германское командование финансировать антибольшевистское движение. В письме к генералу Алексееву 19 мая 1918 г. он писал, что германцы ставят условие – возвращение России к конституционной монархии. Милюков считал, что даже если это будет ультимативное требование, его надо принять: «Я при-

[19] Революционное движение в России в августе 1917 г.: Разгром корниловского мятежа. М., 1959. С. 372 – 376.

[20] Цит. по: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905 – 1917. М., 1990. С. 250.

нимаю конституционную монархию (не Николая, конечно), если она вернет России единство и старые границы».[21]

Поскольку переговоры с германским командованием не были поддержаны большинством партии кадетов, Милюков сложил с себя обязанности председателя ЦК партии (затем переговоры были признаны ошибочными).[22]

Не останавливаясь на дальнейших попытках Милюкова содействовать антибольшевистской борьбе, обратимся к событиям 1920–1921 гг. В мае 1920 г. Милюков выступил на заседании Парижского комитета партии кадетов с тезисами «новой тактики» партии. После эвакуации войск Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. Милюков сделал заявление, что «Россия не может быть освобождена вопреки воле народа.» В декабре 1920 г. он составляет программную записку «Что делать после Крымской катастрофы?» Изложенные в ней положения «новой тактики» предполагают отказ от продолжения вооруженной борьбы внутри России и от ставки на иностранную интервенцию. Милюков рассчитывал, что эта программа будет поддержана не только кадетами, но и близкими к ним силами в эмиграции. Но большинство парижской группы кадетов не поддержало Милюкова. В июне 1921 г. Милюков пошел на раскол группы. Была создана «Парижская демократическая группа партии народной свободы», которая в 1924 г. была преобразована в «Республиканско-демократическое объединение» (РДО).[23]

Милюков оставался влиятельной фигурой эмиграции, в 1921–1940 гг. был редактором выходившей в Париже ежедневной газеты «Последние новости». Написал ряд работ по истории русской революции («История второй русской революции»: Вып. 1–3. Париж, 1921–1924, «Россия на переломе: Большевистский период русской революции». Т. 1–2, Париж, 1927 и другие работы).

Мы остановимся на небольшой работе Милюкова, выпущенной в 1929 г., представляющей его позицию по вопросу о грядущей форме правления для России, имевшем политически важное значение для русской эмиграции.[24] Брошюра начинается с главки «Нужно ли решать вопрос теперь?», «Возможно ли и нужно ли, чтобы после революции Россия стала

[21] Цит. по: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. С. 334.

[22] Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 364.

[23] Там же.

[24] *Милюков П. Н.* Республика или монархия. Издание Республиканско-демократического объединения, 1929. (Репр. 1996).

республикой, а не монархией?» – ставит вопрос Милюков. Далее, следует ли решать это теперь? «Не лучше ли отложить его решение до тех пор, когда действительно совершится падение большевицкого (так в тексте – *И. О.*) строя и когда народная воля решит сама, какой строй должен существовать в будущей России?»[25]

Милюков считает, что ставить этот вопрос важно и нужно и что за «непредрешением» часто скрывается именно предрешение – в смысле восстановления монархии. Он развертывает аргументацию в пользу республики. Во-первых, Россия уже двенадцать лет (1917–1929) является республикой, «очень плохой республикой, конечно, но все же республикой». Т. е. это факт, а требуется, чтобы он превратился в право. «Чтобы он мог стать правом, русская республика должна быть осознана всей народной массой, как право; без этого не может быть и того проявления народной воли, которое одно может дать России новый республиканский правовой порядок».[26] Милюков выступает именно за сознательное восприятие республиканского строя народной массой: «Оставшись слепой в этом вопросе, масса может перейти от безвольного принятия одного факта – большевистского строя – к такому же принятию какого-либо противоположного факта, – вроде фашистской диктатуры…»[27]

В последующих главках он разъясняет, что республика – «лучший государственный строй для народов, достигающих достаточной ступени народного развития», является формой, «соответствующей высшей точке развития народного организма.»[28]

Монархия же – «патриархальная и наследственная монархия, подкреплявшая себя “Божьей милостью” быстро отходит в прошлое». И если где монархия сохранилась, то давно уже «отказались от претензий на божественное происхождение и от права стоять выше народной воли».[29] Если в ряде стран монархия сохранилась, то в них она уже «приспособилась к республиканской сущности». Для таких стран вопрос о выборе между монархией и республикой безразличен, но «Россия не принадлежит к числу этих стран».[30]

«Русская старая монархия пропустила все сроки для мирного пре-

[25] Там же. С. 3.
[26] Там же. С. 3 – 4.
[27] Там же. С. 4.
[28] Там же. С. 4 – 5.
[29] Там же. С. 5.
[30] Там же. С. 6.

вращения в такого рода “парламентарную” монархию», – пишет Милюков.[31] Попытки провести параллели между Россией и странами Азии тоже не работают, считает он.

Делая экскурс в историю, он отмечает: «Власть московского царя XVII столетия была построена на старорусском вотчинном начале власти: царя – собственника земли, царя хозяина.

Самодержавию так и не удалось до конца сойти с этой породившей его почвы. …Русская монархическая власть осталась до конца патриархальной. Это ее и погубило».[32]

«Борьба самодержавия с общественностью тянулась целый век. …Самодержавие сделало, наконец, в тяжелую минуту запоздалую и неискреннюю уступку, в виде слабого и непоследовательного подражания единственному уцелевшему в Европе дворянско-военно-монархическому образу – германскому. Так появилась Государственная Дума и апрельские основные законы 1906 г. Но они уже не могли удовлетворить народ. В течение десяти лет существования Государственной Думы продолжалась скрытая борьба: с одной стороны стоял республиканский парламентаризм интеллигенции и черный передел крестьянства, с другой стороны – ложный конституционализм царя и царицы, все еще надеявшихся, что самодержавное “солнце правды воссияет как встарь”».[33]

Милюков отмечает, что царская монархия «упорно хотела остаться вотчинной» и упорно не хотела пойти туда, куда ее звал «закон эволюции» – «к монархии конституционной». Она продолжала держаться «практикой постоянно усиливавшегося насилия».[34]

Он оценивает «трагический документ монархии» – письма императрицы Александры Федоровны как исторический источник. Публикация их произвела сильное впечатление на многих современников. Милюков отмечает, что этот источник обнаруживает, «в какой целости и неприкосновенности сохранилась до самого падения монархии немудрая, почти инстинктивная вотчинная теория самодержавия».[35] Само существование этого документа, по его мнению, избавляет от необходимости доказывать, почему революция сделалась неизбежной. «Нам надо только выяснить, почему с тех пор монархия стала в России окончательно невозможна, а республика

[31] Там же.
[32] Там же. С. 8 – 9.
[33] Там же. С. 9 – 10.
[34] Там же. С. 10.
[35] Там же.

необходима».[36]

То, о чем он пишет далее, можно назвать обоснованием нового республиканизма Милюкова. Он исходит из того, что в течение двенадцати лет республика уже существует в России – хотя это республика особого рода: «Практика большевистского беззакония и бесправия не может идти в сравнение ни с каким насилием самодержавного режима и отнюдь не может облечься в какое-либо право».[37]

Милюков считает, тем не менее, что это отнюдь не значит, «чтобы массы представляли себе восстановление России как простое возвращение к старому порядку».[38] В чем же причина выжидательного отношения со стороны масс «к длящемуся беззаконию»? Это не объяснить «одной простой усталостью в борьбе против насильников». «Массы признали революцию с самого начала своею, происшедшей в их интересах». «Инстинкт подсказывает им, что с новой властью (если случится перемена – *И. О.*) могут явиться мстители, которые отнимут то, что дала революция. Речь, конечно, идет, главным образом, о земле».[39]

Он отмечает, что «первый и самый сильный довод против возвращения монархии есть связь монархии с бывшими помещиками».[40]

Другую причину он видит в том опыте, который получило население от «белого движения». «Дело белого движения было проиграно не только с того времени, когда белая армия оттолкнула от себя население своим поведением, а белые вожди своими антидемократическими реформами». И далее: «С первых ее шагов дело белой армии было погублено в глазах масс тем, что это была “классовая армия”».[41] Она стала такой, потому что крестьянство не шло добровольно в эту армию.

Далее он переходит к идее монархии, которая оживает в определенных кругах эмиграции. И хотя монархисты «пытаются в последнее время переодеться в демократический костюм, этому маскараду никто не верит».[42] Причем речь идет не просто об идее монархии, а именно о возвращении к старой монархии, к прежнему самодержавию.[43]

Милюков показывает, за лозунгом «непредрешенчества» будущей

[36] Там же.
[37] Там же. С. 11.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 12.
[41] Там же. С. 14.
[42] Там же. С. 16.
[43] Там же. С. 16.

власти, которая придет на смену большевистской, скрывается именно идея монархии. Иногда в качестве аргумента используется тезис о том, что монархия будет более сильной властью. Милюков считает, что это не так: «в монархии старого типа – монархии, пережившей себя, сильная власть невозможна».[44]

Отбивает он также аргумент о том, что монархия может лучше управлять другими национальностями. В этой области он также видит преимущества демократической республики, федеративного объединения.[45]

Вывод Милюкова: демократическая республика «не только является принципиально наиболее желательной заменой советской власти, но и наиболее вероятной».[46]

Что касается так называемого «непредрешенчества», то, по Милюкову, – это «тоже вид политики, обыкновенно прикрывающей готовое антидемократическое решение, в котором неудачно сознаться публично».[47]

Иногда ссылаются на неготовность к демократии, «дикость русского крестьянства» и т. д. «Ответ на это не труден, – пишет Милюков. – Демократические учреждения сами воспитывают массы. Никакая демократия не осуществилась бы, если бы стали ждать, пока вся народная толща дорастет до полной политической сознательности». К тому же «русская народная масса не в такой уже степени неготова». «Сознательность масс в условиях гражданской войны развилась фактически до невероятных размеров».[48]

«Когда мы теперь говорим, что народ сам решит свою политическую судьбу, – это не голая фраза, а признание факта, созданного двенадцатью годами непосредственного участия масс в народной революции».[49] Так завершает он раздел «Созрела ли русская демократия?»

Автор просит читателя извинить за слишком подробное изложение, но нам казалось уместным остановиться на этой мало известной работе П. Н. Милюкова. Эта книжечка – результат размышлений известного историка и опытного политика над свершившимися эпохальными и катастрофическими событиями на его родине. Его оценки и аргументация представляют значительный интерес. Перед нами предстает человек, преданный демократическим ценностям, желающий блага своему Отечеству.

[44] Там же. С. 18.
[45] Там же. С. 18 – 20.
[46] Там же. С. 27 – 28.
[47] Там же. С. 30.
[48] Там же. С. 28 – 29.
[49] Там же. С. 29.